

византийской Италии» (№ 2) и «Демография и культура в Равенском экзархате» (№ 3). Основная масса статей касается Южной Италии в IX—XI вв. Среди них большая группа носит источниковедческий характер: «Греческие документальные источники для Италии византийского и норманского периодов» (№ 4), «Греческие архивы монастыря св. Марии делла Матина» (№ 5), «Архивы монастыря св. Марии ди Бордонаро» (№ 6), «Две грамоты катепанов из Трикарико» (№ 7: совместно с В. Хольцманом) и, наконец, «Памятник, касающийся провинциального управления. Метрическая надпись из Бари исторического содержания (1011 г.)» (№ 8). Специальное внимание уделено исторической географии и этнографии Южной Италии: «К вопросу о греческом населении Сицилии и Калабрии в средние века» (№ 9), «Византийская Лукания. Историко-географический очерк» (№ 10), «Округ Лао в XI в. К вопросу о византийской микрогеографии» (№ 11). Уже в этих статьях поставлен ряд проблем социальной истории — более широко они трактуются в других исследованиях, а именно: «Заметки об общественном устройстве в Итальянском катепанате XI в.» (№ 13), «Византийская Италия, *douleia* и *oikeiosis*» (№ 1) и «Греки в Южной Италии и Сицилии в средние века. Монашество» (№ 12)². Наконец, последняя статья озаглавлена: «Агония греческой провинции. Южная Италия в XI в.» (№ 14).

Статьи, написанные преимущественно по-итальянски и по-французски, но также по-немецки (№ 7) и по-английски (№ 3), в своем большинстве уже были опубликованы и воспроизводятся в сборнике методом репринта с сохранением пагинации подлинника. Только одна работа (№ 8) публикуется впервые: Гийу переиздает надпись из Бари, которую первый издатель (Ф. Бабудри) датировал IX в. и отнес к царствованию Василия I. Гийу предлагает теперь остроумную реституцию надписи, которая оказывается стихотворной, и показывает, что Василий бариийской надписи — не Василий I, а Василий Месардонит, византийский наместник Италии начала XI в. На основании хроники Лула Протоспафария Гийу отождествляет Василия Месардонита с Василием Аргиром и считает его братом будущего императора Романа III. Он восстанавливает — впрочем, не без гипотетических натяжек — жизненный путь Василия Месардонита-Аргира, а самое его прозвище, Месардонит, считает персидским (!) вариантом патронима Аргир.

Книга снабжена иллюстрациями и картой Южной Италии, воспроизведенной вместе со статьей № 10 из журнала «Бизантион»; — к сожалению, технически несовершенной. Разной шрифтов также придает сборнику несколько неряшливый облик. Небольшой список errata позволяет исправить кое-какие погрешности в старых публикациях, а общий индекс облегчает пользование книгой.

А. К.

D. Jacoby. La féodalité en Grèce médiévale. Les «Assises de Romanie». Sources, application et diffusion.

«Documents et recherches sur des pays byzantins, islamiques et slaves et leurs relations commerciales au Moyen âge», sous la direction de P. Lemerle, X. Paris, La Haye, 1971, p. 358.

Так называемые «Ассизы Романии», сборник норм феодального права, отредактированный в Море между 1333 и 1346 гг. (см. стр. 87), был опубликован Ж. Рекура в 1930 г. Д. Якоби, как можно понять из рецензируемой книги, подготавливает в настоящее время новое издание Ассиз, поскольку, как он пишет (стр. 15), Рекура допустил ряд погрешностей при чтении рукописей, а также поскольку теперь доступны две рукописи — Филадельфийская (XVI в.) и Вашингтонская (второй половины XV в.), не привлеченные первым издателем. Рецензируемая работа и представляет собой своего рода введение к будущему изданию.

Центральная часть книги — обзор рукописей и установление рукописной традиции (стр. 115—174), которая сводится в стемму, отличную от предложенной Рекура. При этом Якоби полагает, что сохранившиеся рукописи дают возможность судить не о французском оригинале 1333—1346 гг., но лишь о венецианском переводе, который возник, во всяком случае, до 1416 г., а скорее всего еще во второй половине XIV в. (стр. 170—173). Древнейшая рукопись, хранящаяся ныне в Британском музее, была переписана в Венеции в 1423 г. (стр. 116—123), однако другие манускрипты, особенно Венецианский 1443 г. (стр. 123—126) и Венецианский 1440 г. (переписанный на острове Корфу), дают самостоятельные версии.

Якоби освещает также процесс формирования Ассиз. В этой связи для нашего читателя особенно интересна глава о тех элементах, которые оказали влияние на становление морейского права. Это прежде всего западноевропейское феодальное право,

² Ср. еще его работу «Il monachesimo greco in Italia Meridionale e in Sicilia nel Medioevo». — «Atti della Seconda Settimana internazionale di studio Mendola». Milano, 1965, p. 355—384.

наряду с которым сказывались и другие правовые системы, в том числе византийская. Якоби проследживает византийское происхождение ряда ассиз, а именно о виллане, который становится человеком другого сеньора, если проживает на его земле 30 лет; о наследовании земель «по греческим нормам», когда феоды греческих архонтов и стаи вилланов не переходили старшему сыну, а разделялись поровну между всеми сыновьями; об исполъном договоре; о штрафах за нарушение контракта (стр. 32—38).

Ассизы не получили официального утверждения в Морее, но тем не менее они приобрели популярность и широко распространились в латинских государствах на византийской территории — при всем многообразии их политической и правовой структуры. Последнее наблюдение, хотя и не относится непосредственно к теме книги, имеет большое значение. Якоби отмечает, во-первых, особенности венецианского государственного права, которое исходило из наличия государства — обладателя политических, юридических и фискальных прерогатив, и во-вторых, многообразие форм отношения греческих архонтов с завоевателями: на Негропонте число греков в составе нового господствующего класса было невелико, в Морее и на островах Архипелага они составили существенный элемент класса феодалов, а в некоторых случаях (на островах Тинос и Микон) этот класс состоял преимущественно из греков, феодальная иерархия не сложилась и земельные собственники рассматривались как прямые вассалы правителя острова (стр. 309 и сл.; ср. стр. 246 и сл., где идет речь о пронии на Тиносе и Миконе).

После византийского завоевания Морей Ассизы были вытеснены отсюда, но сохранили свое значение в других областях, в том числе на Корфу, где они засвидетельствованы в XV в. (стр. 253—270). Венеция также использовала в своих владениях нормы морейского права (стр. 295—308).

В Приложении публикуются 20 отрывков из неизданных постановлений венецианского сената XIV—XVI вв., касающихся «Ассиз Романии» (стр. 315—333), а также глоссарий из уже упомянутой Филадельфийской рукописи (стр. 33).

А. К.

D. Podskalsky. Byzantinische Reichsideologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel, 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apok., 20). Eine motivgeschichtliche Untersuchung.

«Münchener Universitäts-Schriften. Reihe der philosophischen Fakultät», 9. Wilhelm Fink Verlag. München, 1972, S. XII +114.

Уже в заглавии книги молодого мюнхенского социолога Г. Подскальского обнаруживается противоречие, которое присуще и самой работе. С одной стороны, это исследование двух литературно-мифологических (библейских) образов, эволюции их понимания в раннехристианской, византийской, средневековой греческой и славянской литературах; с другой — ряд замечаний о характере имперской идеологии в Византии, замечаний, имеющих общее значение и, как мне кажется, выходящих далеко за пределы того довольно ограниченного материала, который содержится в византийских толкованиях видений в книге Даниила (гл. 2 и 7) и в Откровении Иоанна (гл. 20).

По своей структуре монография четко распадается на две части (я имею в виду не ее формальное разделение автором на два раздела, из которых первый посвящен книге Даниила (стр. 4—76), а второй — Откровению (стр. 77—103), но ее внутренний, сущностный строй): подавляющее количество страниц отдано последовательному обзору толкований книги Даниила и Откровения, но в двух параграфах, соответственно озаглавленных «Эсхатология или идеология?» (стр. 70—76) и «Утопия или суверие?» (стр. 101—103), содержатся выводы или выходы в характеристику политического мышления Византийской империи.

Обзор написан, я бы сказал, с соблюдением лучших и худших традиций мюнхенской филологической школы. Тщательно выверенные факты, обширная библиография, привлечение рукописей — все это делает книгу Подскальского надежным и удобным справочником. Вместе с тем традиционный для филологической науки «жанровый» принцип распределения материала и вырывание исследуемых произведений из исторического контекста обедняют картину и затрудняют понимание эволюции византийской общественной мысли. В самом деле, Подскальский рассматривает в двух местах (стр. 11 и сл., стр. 35 и сл.) трактовку видения Даниила у Евсевия Кесарийского: выделение второго параграфа вызвано тем, что фрагменты из Евсевия дошли до нас в составе сборника катен Иоанна Друнгария. В результате этого Евсевий (как и некоторые другие авторы, включенные в сборник Иоанна) характеризуется после Феодорита Киррского, писавшего, на самом деле, позднее его. Напротив, ряд авторов IX—X вв.: Георгий Монах (стр. 58 и сл.), Псевдо-Афанасий Синаит (стр. 44 и сл.), Васлий, епископ Новый Патр (стр. 38 и сл.) — разбираются в соответствии с их жанровой принадлежностью в разных частях книги, отчего имеет тенденцию улетучиться то общее, что их всех объединяет: четкая трактовка Византийской империи как христианского